

**МЫ
ВЫШЛИ
ПОКУРИТЬ
НА 17 ЛЕТ**

МЫ ВЫШЛИ ПОКУРИТЬ НА 17 ЛЕТ

МИХАИЛ ЕЛИЗАРОВ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

Оформление переплёта — *Виктория Лебедева*

Елизаров, Михаил Юрьевич.

Е51 Мы вышли покурить на 17 лет : [рассказы] / Михаил Елизаров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 253, [3] с. — (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-17-115168-3

Михаил Елизаров — прозаик, музыкант, лауреат премии «Русский Букер». Автор романов “*Pasternak*” и «Библиотекарь», сборников короткой прозы «Ногти» (шорт-лист Премии Андрея Белого) и «Мы вышли покурить на 17 лет» (шорт-лист и приз читательского голосования премии «НОС»).

«Елизаров сам себе и направление, и критерии оценки, и бог, и царь, и герой. Он подчёркнуто парадоксален и агрессивно провокативен. Его лирический герой — нахал, красавец, культурист, но при этом беспомощен и беззащитен, как дитя. От брутальности до нежности у него один шаг, который он и делает постоянно, поэтому его непрерывно “ведёт и корчит”, выражаясь словами Н.С. Лескова. Каждый рассказ в сборнике по-своему хорош. Они про любовь, про измену, про одиночество, про путешествия и про безнадежный опыт схватки с миром, который всё равно тебя победит» (*Павел Басинский*).

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115168-3

© Елизаров М.Ю.
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

Маша	9
Паяцы	30
Заноза и Мозглявый	37
Готланд	50
Кэптен Морган	61
Зной	74
Берлин-трип. Спасибо, что живой	111
Рафаэль	125
Мы вышли покурить на 17 лет	142
Дом	171
Дача	227
«Бывает, нагрянешь в родной город...»	233
Меняла	243

Моей дочери Леночке посвящаю

МАША

Когда ты ушла от меня, точнее, не ушла, а просто оборвала телефонный разговор, словно оступилась и нечаянно выронила его из рук, и он, кувыркаясь, полетел вниз, как самоубийца с крыши, наш неудачливый разговор — ведь ты всегда так общалась со мной, будто вот-вот упустишь: пауза и короткая морзянка обрыва связи — «ту-ту», а потом не дозвониться...

После того как ты ушла от меня, хотя подобное уже случалось, ты и раньше практиковала внезапные беспричинные уходы — из ресторана ли, посреди улицы, и при этом никаких объяснений, пару дней ищи-свищи...

Ты ушла, а я почувствовал, что нынче не репетиция, не блеф, и такой одинокий ужас навалился на меня — горячий, мокрый, телесный, точно обезумевший водный спасатель, тяжёлый, как сом, который вместо того, чтобы наполнить захлебнувшу-

юся грудь воздухом, наоборот, резким своим вдохом сплющил мои лёгкие, словно бумажный пакет, и мне показалось, что я обмираю, обмираю, обмираю...

Такое осыпающееся тленное состояние. Наверное, я обмирал и в прежние разы, но ты возвращалась, и я, как разрешившаяся счастливая роженица, на радостях сразу и напрочь забывал то поверженное состояние.

Ты ушла по телефонным проводам, не перезвонила ни через день, ни спустя неделю. И в этот миг — причудливый временной феномен: неделя, упакованная в миг, — я понял, что действительно всё кончено. И семеро минувших суток, точно расколдованные трупы, вздулись, лопнули и разложились на тысячи рыхлых мучительных минут.

Однажды я терпеливо, как боевой радист, выкликал твой номер три часа кряду — гудки, гудки. Я слал тебе смс. Грубые: «Ты — блядская сука!» и нежно-беспомощные: «Любимая, объясни мне, что произошло?!»

Я пытался достучаться до тебя в твоём ЖЖ — отхожее женское местечко, сортир амазонок, для Ж и Ж, — но ты прилежно выполола мой комментарий, а меня «забанила» (вывела босого в исподнем за бревенчатую чёрную баню и прикончила в мягкий затылок).

Я намеревался тебя караулить у твоего подъезда — внутрь дома было не попасть, подступы к лифту стерёг грудастый, бабьей породы кон-

сьерж, — но благоразумно отказался от этого намерения: боялся, что ты придёшь не одна, а с другим мужским существом, подобно мне, практикующим письменное искусство.

Как младенцы тащат в рот всякую манящую дрянь, так ты затащила меня в свой дом на пробу — увела из книжного магазина, где я самовлюблённо и испуганно презентовал очередное бумажное чадо.

Я тогда только приехал в Москву. Сам я считал, что на заработки. Первые ноябрьские холода превратили работу в погодное явление: белёсые и похрустывающие ледком под ногами заработки стали заморозками.

Бездомный, я прожил три дня в издательском офисе, а после снял нищий угол возле метро «Тёплый Стан» — двойное название вскоре слиплось в засахаренный сухофрукт, в среднеазиатскую мигрантскую географию: узбекистан, кыргызтан, тёплыйстан...

Низкорослая, как девочка, загребушая хозяйшка вытянула из меня восемь тысяч за комнату, в которой отсутствовала дверь — вместо неё ниспадала отставная штора, а окно занавешивала пыльная гардина, похожая на исполинский бинт. Письменного стола не было, и поначалу я ставил ноутбук на подоконник, пристраивался, искривлённый, бочком. Позже пересел к мебельной стенке. Дверца стенки, подобно замковому мосту, открывалась горизонтально вниз. Я приспособил её вместо стола. Она

была узковата, дверца, на ней помещался лишь нутбук, а места для мыши почти не оставалось; при неловком движении я скидывал мышь локтем, и она трепетала на шнуре, словно висельник.

В жёлтой, маргаринового оттенка стене над диваном торчали три голых гвоздя — плоские, как бескозырки, вершины равнобедренного треугольника, — когда-то удерживали картины или фотографии. Щелистое окно комнаты сквозило. Я безуспешно конопатил его, но окно всё равно цедило ментоловую стужу.

У меня почти сразу появилась писчая работа: за пятнадцать тысяч рублей я слагал колонку для раз-в-месячного журнала. Управлялся с ней в несколько дней, на скорую руку муштровал и школил слова, собирал глянцевую колонну и гнал на убой редактору. В остальное время высиживал новую книгу. А выходные вечера я проводил с тобой. И так четыре месяца кряду.

Ты прекратила нас накануне Восьмого марта. Кто-то из журнальных шапочных знакомцев бесчувственно шутил (каюсь, я всем и каждому жаловался на тебя, напрочь обезумел), сказал: «Чудесная подруга. Тебе не придётся тратиться на мартовский презент», — так говорил мне, я бессильно улыбался шапочному дураку, а душа ныла, точно большой зуб.

Я сделался каким-то подкошенным и порожним, казалось, моя грудная клетка на мартовском ветру шелестит и хлопает полиэтиленовой пусто-

той. Что-то случилось с походкой, я потерял степенность, меня кружило, как сорванную афишу, я дёргано оглядывался по сторонам, будто нянька, потерявшая ребёнка...

Стал таким суетливым, беспокойным. Вздрагивал от любого резкого — даже не звука — движения. Однажды со стула на пол съехали мои брюки. Этот почти бесшумный, но неожиданный поступок одежды едва не выщелкнул сердце.

На меня, подранка, вмиг ополчились стихии природы и санитары городского леса. Редактор, чуя во мне творческого инвалида, впервые погнал прочь колонну моих рекрутов — не подошла колонка. Переписал проклятую — снова не подошла — на тебе! на! Обманул, до слёз бессовестно надул издатель — на! на! Хозяюшка взвинтила прайс за штору до десяти тысяч — не нравится? Вот бог, а вот порог!..

Ко всеобщей пастернаковской травле подключилась моя иногородняя вторая половина — та, ради (из-за?) которой я уехал на «заморозки». Позвонила. Не знаю, каким инстинктом поняла, что нужно затаптывать и добивать: «Подонки! Ты нас бросил!» — в таком тоне она со мной ещё не говорила. А рядом с ней, я слышал, плакал и тосковал мой сердечный ребёнок, мой крохотный сынок, и просил: «Мама, мама, не кричи на папу!»

Не помню, что я отвечал, вроде возражал: «Я в Москве не “поёбываюсь”, как ты выразилась, дуручка, а работаю!»

Половина закончила плачущим воплем: «Чтоб ты сдох, пидор!..»

А я вовсе не обиделся. Брань потеряла прежний смысл. Ну, пидор. С тем же успехом половина могла обозвать меня, допустим, вратарём: «Чтоб ты сдох, вратарь!»

К началу второй недели твоё отсутствие перестало быть дыхательно-сосудистой проблемой. Тоска перекинулась на кости. Нервически скулили рёбра, будто через каждое пропустили вёртку проволоку. Чтобы заснуть, я хлестал валокордин — мятное старушечье снадобье. Оно помогало забыться на пару часов. Каждое утро начиналось жаром — меня словно бы всего обкатывали горящим спиртовым комом, и мне казалось, что я не просыпаюсь, а тлею единственной мыслью: ушла моя белокурая, моя мэрелиноподобная...

Вначале я попытался противопоставить тебе алкоголь. Здоровье отказало мне в этом тихом утешении. Двенадцать перстов язвы всем своим апостольным числом ополчились на меня. По утрам изжога разводила инквизиторский костёр в пищеводе и мне казалось, что я отрыгиваю горячие угли.

От одинаковой, как тюремная стена, тоски по тебе я утратил способность к труду.

Когда-то шустрые мои пальцы разучились обрабатывать, вытачивать берёзово-карельские слова — токарю аминь. У меня конфисковали колонку.

В наваждении и умственной разрухе прошёл месяц. А потом я стал удалять тебя, как осколки.

Стёр бывшие смс, выпотрошил из ноутбука фотографии. Прекратил ежечасные экскурсии в твой журнал — вычитывать, не подыскалась ли мне замена.

Ты меня подкосила, обезножила. Но пришла пора становиться на протезы, танцевать «калинку», искать колонку.

Для начала вздумал прибраться в комнате, вооружился хозяйским пылесосом. За вековым диваном в залежах пыли обнаружился мерзкий артефакт от прежнего жильца — использованный презерватив невиданного чернильного цвета, похожий на оторванное осьминожье щупальце. Пылесос храпел, точно конь, пока давился резиновой падалью.

Но стоило ли дальше позволять, чтоб на твоей блондинистой пу-пу-пиде свет сходилась клином? Я снова сел за книгу и начал строить планы на Марию.

Ты её застала. Помнишь Машу? Трогательное и угловатое пугало из гугла. Появилась с письмецом в моей почте, когда мы с тобой ещё были в разгаре.

Признаюсь, ты была невыносимо трудной. Театральной сцены не принимала — ни драмы, ни оперы. Кино не любила. Ничему не радовалась. Разве правильно расставленным на бумаге словам. Тебя мог развлечь какой-нибудь жестокий глумливый цирк. Арена, на которой творится унижение неказистого маленького человека.

Ты заранее решила, что эта Маша некрасивая. Мы вдоволь насмеялись над невидимой. Она, ви-